ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ВАРИАНТАХ ПЕРЕВОДНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОГАЯ МУРАДА. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Меликулова Нилуфар Хамдуллаевна
Преподаватель, Навоийский государственный университет, Навои, Республика Узбекистан
https://doi.org/10.5281/zenodo.23522722

Аннотация: *В статье систематизируются лингвокультурные источники художественного мира Тагая Мурада и предлагается методика исследования их репрезентации в русскоязычных переводах. Рассматриваются фольклорная образность, этнографические реалии, формы обращения, фразеологические модели, символы земли и коня, народно-разговорная речь и ритмико-синтаксическая организация прозы. Разграничиваются переводной вариант и редакционная версия, предлагается многоуровневая матрица сопоставления оригинала и перевода. Выводы имеют теоретико-методологический характер; не заявляются результаты непроведённого корпусного эксперимента.*
Ключевые слова: *Тогай Мурад, лингвокультурология, художественный перевод, национальная картина мира, реалии, фольклор, переводческие трансформации, узбекский язык, русский язык.*
Annotatsiya: *Maqolada Tog‘ay Murod badiiy olamining lingvomadaniy manbalari tizimlashtirilib, ularning rus tilidagi tarjimalarda aks etishini tadqiq etish metodikasi taklif etiladi. Folklorga xos obrazlilik, etnografik realiyalar, murojaat shakllari, frazeologik modellar, yer va ot timsollari, xalq so‘zlashuv nutqi hamda nasrning ritmik-sintaktik tuzilishi tahlil qilinadi. Tarjima varianti va tahririy versiya o‘rtasidagi farqlar aniqlashtirilib, asl matn va tarjimani ko‘p bosqichli qiyosiy tahlil qilish matritsasi taklif etiladi. Tadqiqot xulosalari nazariy-metodologik xususiyatga ega bo‘lib, amalga oshirilmagan korpus tadqiqotining natijalari sifatida talqin etilmaydi.*
Kalit so‘zlar: *Tog‘ay Murod, lingvomadaniyatshunoslik, badiiy tarjima, milliy olam manzarasi, realiyalar, folklor, tarjima transformatsiyalari, o‘zbek tili, rus tili.*
Abstract: *The article systematizes the linguocultural sources underlying Togay Murod’s prose and proposes a framework for examining their representation in Russian literary translations. It focuses on folklore imagery, ethnographic realia, forms of address, phraseological patterns, symbolic images of land and horses, colloquial language, and rhythmic syntax. The study distinguishes independent translations from editorial versions and outlines semantic, stylistic, pragmatic and cultural criteria for parallel-text analysis. Its findings are methodological rather than claims of completed empirical comparison.*
Keywords: *Togay Murod, linguoculturology, literary translation, cultural realia, folklore, translation shifts, Uzbek, Russian.*

Художественный перевод является пространством встречи языковых систем и культурных способов интерпретации мира. Его задача не исчерпывается поиском словарных соответствий: переводчик воссоздаёт культурно обусловленную образность, социальные роли участников общения, интонационную структуру повествования и ценностную перспективу автора. В узбекско-русском переводе эти задачи приобретают особую остроту

вследствие различий грамматического строя, речевого этикета и ассоциативных систем двух языков.

Проза Тогая Мурада представляет значительный интерес для такого анализа. В её художественном строе существенны устно-повествовательная традиция, народный юмор, локальные формы речи, предметный мир сельской жизни, ритмическая организация фразы. Произведения «От кишнаган оқшом», «Ойдинда юрган одамлар» и «Отамдан қолган далалар» позволяют исследовать культурную семантику не только в отдельных словах, но и на уровне мотива, речевой характеристики и композиции. Сведения об изданиях оригиналов и русском сборнике «Тарлан» подтверждаются библиографическими каталогами [7–9].

Актуальность работы определяется потребностью в воспроизводимой методике, которая позволила бы описывать культурно маркированные элементы оригинала и оценивать их судьбу в переводе без подмены текстового анализа общими суждениями о «национальном колорите». Цель исследования — типологизировать лингвокультурные источники прозы писателя и разработать систему параметров их сопоставления с русскими переводами. Объект — оригинальные и переводные художественные тексты; предмет — способы репрезентации национально-культурной семантики и художественной функции языковых единиц.

Под лингвокультурным источником в настоящей работе понимается культурная практика, традиция, система представлений либо коммуникативная норма, из которой художественная единица получает дополнительное значение. Источник не следует отождествлять с самой единицей: например, слово обращения является языковым выражением, тогда как возрастная иерархия и нормы уважения образуют его культурную основу. Такое различение позволяет связать текстовую форму с историко-социальным контекстом.

Лингвокультурологическая перспектива опирается на исследования культурной коннотации и фразеологической семантики В. Н. Телия [3], положения В. А. Масловой о языке как носителе культурной информации [4], концепцию межкультурной коммуникации С. Г. Тер-Минасовой [5]. Переводоведческий инструментарий включает разграничение эквивалентности и адекватности, анализ трансформаций и учёт прагматического эффекта, разработанные в трудах В. Н. Комиссарова [1] и А. В. Фёдорова [2]. Классификация реалий соотносится с подходом С. Влахова и С. Флорина [6].

Методы исследования — описательный, контекстуальный, компонентный, функционально-стилистический и сравнительно-сопоставительный анализ; дополнительно применяется моделирование

процедуры разметки параллельного корпуса. Статья не приписывает конкретным переводчикам решений, которые не были проверены по печатным страницам. Иллюстративные узбекские выражения ниже служат демонстрацией методики и не выдаются за дословные цитаты из произведений.

При создании корпуса необходимо фиксировать произведение, язык, год и место издания, переводчика, редакцию, номер страницы и границы контекста. Для русского сборника «Тарлан» (2018) указаны переводчики Сухбат Афлатуни, В. Муратханов и Г. Власов [9]; распределение конкретных текстов по переводчикам устанавливается по титульным данным соответствующих разделов издания.

Первую группу образуют фольклорно-повествовательные источники: традиции дастана, пословично-поговорочная речь, формульные повторы, ритм устного рассказывания. Их значение проявляется не только в тематике, но и в характере авторского синтаксиса. В переводе передача предметного смысла без воспроизведения повторов способна сделать речь более нейтральной и ослабить впечатление устного повествования.

Вторую группу составляют этнографические и предметно-бытовые источники. Наименования одежды, пищи, утвари, традиционных состязаний, обрядов и хозяйственных практик несут информацию о материальной культуре. Их перевод требует выбора между заимствованием, пояснением, описанием и функциональным аналогом. При этом сохранение чужой формы само по себе ещё не гарантирует понятности культурной функции предмета.

Третья группа — социально-коммуникативные источники, связанные с возрастной и семейной иерархией, уважительными обращениями, благопожеланиями, речевыми запретами и косвенными способами оценки. Для узбекской культуры важны обращения ака, опа, ота, она, болам, способные выходить за пределы буквального родства. Их значение устанавливается по статусу адресата, ситуации и интонации.

Четвёртая группа — фразеологические и образно-оценочные источники. Фразеологизм объединяет переносное значение, образную мотивировку и стилистическую окраску. При замене узбекской идиомы русским устойчивым выражением может сохраняться коммуникативная цель, но изменяться исходная метафорическая модель. Именно поэтому следует раздельно оценивать семантическую, образную и прагматическую эквивалентность.

Пятая группа включает символико-ценностные источники: землю, коня, труд, дом, родовую память, достоинство. В романе «Отамдан қолган далалар» образ земли соотносится с историей крестьянского труда и наследованием жизненного опыта; в повести «От кишнаган оқшом» конь формирует важный предметно-образный центр. Конкретная интерпретация каждого мотива

должна выводиться из его повторяемости и связей в тексте, а не из заранее приписанного символу универсального значения.

Шестая группа — регионально-речевые и индивидуально-авторские источники. Диалектизмы, разговорные частицы, неполные конструкции и авторские словообразовательные решения участвуют в создании голосов персонажей. Механическое использование русских диалектизмов несёт риск ложной локализации: читатель может связать узбекского героя с определённой русской территорией. Более продуктивно искать функциональный баланс разговорности и национальной маркированности.

Перевод культурно маркированной единицы может строиться через транскрипцию или транслитерацию, кальку, описание, родо-видовую замену, функциональный аналог, компенсацию либо опущение. Эти приёмы не образуют шкалу от «хорошего» к «плохому»: их уместность зависит от локальной функции единицы и от того, как решение действует на протяжении всего произведения.

Например, обозначение традиционной одежды чопон допускает передачу через заимствование «чапан» с пояснением или через родовое «верхняя одежда»; второй вариант доступнее, но менее конкретен. Узбекское обращение ака в одних случаях может быть передано как «старший брат», а в других — как уважительное обращение, не связанное с родством. Выражение кўнгли тоғдек кўтарилди может быть передано русским «воспрянул духом», но при этом исчезнет образ горы. Примеры являются языковыми моделями, а не проверенными парами из конкретных изданий Мурада.

Предлагается оценивать каждую пару «оригинал — перевод» по шести параметрам: денотативная точность; культурная специфичность; образная структура; регистр и экспрессия; прагматическая функция; связь с авторским ритмом и системой повторов. В карточке анализа следует отмечать, какой параметр сохранён, изменён или компенсирован в соседнем контексте. Такая процедура делает интерпретацию прозрачнее и уменьшает произвольность экспертных выводов.

Существенно различать независимые переводы одного текста и редакционные варианты одного перевода. Если два русских издания воспроизводят одну переводческую работу с небольшими правками, их сравнение выявляет редакционную историю, но не конкуренцию двух переводческих стратегий. Поэтому установление текстологического статуса варианта должно предшествовать подсчёту переводческих решений.

Для систематизации данных может применяться матрица «источник — единица — функция — способ передачи — потери/компенсации». Единицей выборки рекомендуется считать минимальный контекст, достаточный для распознавания культурной функции: иногда это слово, иногда реплика, а для

символического мотива — несколько связанных эпизодов. Принудительное сведение всех наблюдений к отдельному слову искажает картину художественного перевода.

Существенная часть культурной специфики художественного текста заключена в способе говорения. Повтор глагольной формы, параллелизм, цепочка коротких фраз, эмоциональные восклицания и вопросно-ответные конструкции способны моделировать устную интонацию. В прозе, ориентированной на народное рассказывание, ритм участвует в создании художественного образа не менее активно, чем лексика.

При переводе узбекского предложения на русский синтаксическая перестройка нередко обусловлена типологическими различиями языков. Однако необходимая грамматическая трансформация не тождественна стилистической нейтрализации. Переводчик может изменять порядок слов, сохраняя число смысловых тактов, повторяющуюся конструкцию или интонационный акцент. Анализ должен разграничивать обязательные изменения и факультативные стилистические решения.

Практическая процедура включает выделение ритмических сегментов оригинала, подсчёт повторов, описание синтаксического параллелизма и сопоставление с русской версией. Для проверки результатов полезно читать оба фрагмента вслух и учитывать паузацию. Акустическое впечатление при этом остаётся вспомогательным методом и должно сопровождаться формальным описанием языковых средств.

На первом этапе формируется библиографически проверенный список произведений и переводов. На втором этапе тексты сегментируются по абзацам и репликам, устанавливаются соответствующие фрагменты, фиксируются пропуски и перестановки. На третьем этапе составляется реестр культурно маркированных единиц с указанием типа источника, контекста и функции. На четвёртом этапе кодируются переводческие приёмы и наблюдаемые изменения.

Для повышения надёжности исследования рекомендуется использовать двух независимых экспертов при классификации неоднозначных случаев. Расхождения обсуждаются по заранее определённым критериям; при достаточном объёме корпуса возможно рассчитывать коэффициент согласованности. Частотные показатели следует приводить как долю от числа размеченных единиц, а не как долю от всех слов текста, если задача связана именно с переводческими решениями.

Сравнение результатов по произведениям требует учёта жанра, повествовательной перспективы и состава персонажей. Например, высокий удельный вес обращений в диалогической повести не означает автоматически большей «культурности» текста по сравнению с романом, в котором

культурная информация преимущественно передаётся через повествовательную символику. Количественные данные нуждаются в функциональном толковании.

Ограничением настоящего исследования является отсутствие полностью выверенного параллельного корпуса и постраничной выборки. Поэтому предложенная типология рассматривается как рабочая аналитическая модель, подлежащая проверке на конкретных переводах. Её ценность заключается в операционализации понятий и в разграничении наблюдаемого текстового факта и исследовательской интерпретации.

Рассмотренный материал показывает, что лингвокультурный источник не сводится к перечню экзотических слов. Культурное содержание может сохраняться при отсутствии реалии и, наоборот, утрачиваться при формальном сохранении национального термина. Следовательно, центральным объектом переводческого анализа должна становиться функция единицы в художественной системе.

Для произведений Тогая Мурада особенно перспективно изучение взаимосвязи фольклорного ритма и социального голоса героя. Перевод, сохраняющий бытовые реалии, но выравнивающий интонацию, может создавать иную модель повествователя. Напротив, передача разговорного ритма при умеренном количестве заимствований способна поддерживать культурную узнаваемость произведения.

Предлагаемый подход также позволяет различать культурную адаптацию и культурную утрату. Адаптация является осмысленной стратегией, когда переводчик перестраивает средство ради сходного художественного воздействия; утрата констатируется тогда, когда значимая функция исчезает без компенсации. Оценка должна опираться на последовательность решений в тексте, а не на единичное расхождение.

Практическая значимость модели связана с возможностью её использования в курсах сопоставительного языкознания, теории перевода, лингвокультурологии и стилистики. Разметка параллельных фрагментов может служить основой для учебных заданий, диссертационного корпуса и электронного глоссария культурно маркированных единиц.

Теоретический вывод состоит в том, что адекватность передачи национального художественного мира нельзя устанавливать по одному признаку буквальной точности. Необходимо исследовать соотношение предметного значения, культурной функции и авторской поэтики. Методологическая новизна предлагаемой схемы заключается в последовательном переходе от выявления культурного источника к фиксации его языкового выражения, переводческого решения и функционального результата.

Следующий этап исследования — формирование проверенного корпуса оригинальных произведений Тогая Мурада и конкретных русских переводов, постраничное сопоставление фрагментов, экспертная разметка и анализ частотности трансформаций. Только после такой проверки возможно формулировать эмпирические выводы о переводческих предпочтениях отдельных авторов русских версий.

Список литературы

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990.
2. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). — М.: Высшая школа, 1983.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово/Slovo, 2000.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980.
7. Мурод Т. От кишнаган оқшом: қиссалар. — Тошкент: Шарқ, 1994. — 460, [1] с.
8. Мурод Т. Отамдан қолган далалар: роман. — Тошкент: Шарқ, 1994. — 272 б.
9. Мурад Т. Тарлан / пер. с узб. С. Афлатуни, В. Муратханова, Г. Власова. — М.: РИПОЛ классик, 2018. — 318 с.
10. Давронова Ш. Тоғай Мурод ижодида фольклор анъаналари // Ўзбек тили ва адабиёти. — 2003. — № 2.
11. Национальные и общечеловеческие традиции, характерные для стиля Тогая Мурада // Международный журнал «Искусство слова». — 2023. — Т. 6, № 2. — URL: https://tadqiqot.uz/index.php/art/article/view/7811 (дата обращения: 14.10.2026).
12. Российская государственная библиотека. Каталожная запись: Мурод Т. От кишнаган оқшом. — URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009420995 (дата обращения: 14.10.2026).